

К. А. Кокшенева

К. А. Koksheneva

*главный научный сотрудник, доктор филологических наук,
руководитель Центра наследования русской культуры
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
omega125@yandex.ru*

**А. И. ГЕРЦЕН – ЗАПАДНИК,
РАЗОЧАРОВАВШИЙСЯ В ЗАПАДЕ /
ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВЗГЛЯДА Н. Н. СТРАХОВА**

**A. I. HERZEN-WESTERNER, DISAPPOINTED
IN THE WEST / ON THE RELEVANCE
OF THE VIEW OF N. N. STRAKHOV**

Александр Иванович Герцен (1812–1870), писатель и публицист, основатель бесцензурного русского книгопечатания (за рубежом), последовательный критик крепостного строя России, был запрещенным писателем вплоть до 1905 г. Тем не менее русский критик и философ Николай Николаевич Страхов (1828–1896) именно с него начал свой знаменитый труд «Борьба с Западом в нашей литературе». Именно здесь он доказал, что Герцен был первым русским западником, полностью разочаровавшимся в своих кумирах и самом Западе.

Ключевые слова: *русская литература, век классиков, Герцен, Страхов, Россия и Запад, западничество, нигилизм, русская критика.*

Alexander Ivanovich Herzen (1812–1870), writer and publicist, founder of uncensored Russian printing (abroad), a consistent critic of Russia's serfdom, he was a banned writer until 1905. Nevertheless, the Russian critic and philosopher Nikolai Nikolaevich Strakhov (1828–1896) began his famous work «the Struggle with the West in our literature» with him. It was here that he proved that Herzen was the first Russian Westerner, completely disillusioned with his idols and the West itself.

Keywords: *Russian literature, the age of classics, Herzen, Strahov, Russia and the West, Westernism, nihilism, Russian criticism.*

Проблемы нигилизма и скептицизма занимали Николая Николаевича Страхова (1828–1896) всю его творческую жизнь. Такие значимые и «запрещенные» для современников фигуры, как А. И. Герцен, находящийся в политической эмиграции, или Э.-Ж. Ренан (и его книга «Жизнь Иисуса»), безусловно, волновали, смущали, соблазняли своими идеями мыслящую Россию. Именно этим персонам посвятил свою первую книгу «Борьба с Западом в нашей литературе» Н. Н. Страхов. В 1881 г. в письме к Л. Н. Толстому, с которым дружил всю жизнь, философ так пишет о нигилистах и нигилизме: «Этот мир я знаю давно, с 1845 года, когда стал ходить в университет. Петербургский люд с его складом ума и сердца, и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благосветлова, Елисеева и пр. — главных проповедников нигилизма, все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и прочее. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы — ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела — и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда я вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет, только это действует, только это может надеяться на будущее, а все другое глохнет и чахнет» [44].

Александр Иванович Герцен (1812–1870) придерживался социальной философии «западников».

В 1882–83 гг. начинает выходить главное философское и публицистическое сочинение Николая Николаевича Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (сначала появляются два первых выпуска, затем они переиздаются с дополнениями, а третий выходит только в 1896 г.). Книжка первая разошлась достаточно быстро, Страхов готовил новые издания. Доход его от издания книг был очень невелик — 200–300 рублей в год составлял «прибыток». Страхов никогда не получал за свой литературный труд достойного вознаграждения, — интерес читающей публики к его книгам не был значителен, что, конечно, свидетельствует не о его «недостаточности», а о том, что современники не читают национальных гениев, и проходит

иногда и столетие (как в случае с самим Страховым), прежде чем их значение становится понятно и начинает верно оцениваться, входит в научный оборот¹.

Три книги «Борьбы с Западом» Страхова — это, как сказал бы Данилевский, «критика современных источников европейничанья», по преимуществу в области *религиозной и исторической*. А саму «борьбу с Западом» Страхов-критик понимал как постоянное личное внимание к тем западным **нигилистическим идеям**, которые **оказывают серьезное воздействие на отечественную литературу и на современные умы**.

Одной из особенностей духовной жизни Европы Страхов полагал **всеобщий скептицизм (нигилизм)**. Он был столь тотален, что существеннейшим образом воздействовал и на большие литературные дарования, какими были, например, Ренан или Тэн. Кроме того, он видел влияние этого скептицизма и на русских западников — скептиком, в сущности, был И. С. Тургенев², скептицизм был преимущественной чертой мировоззрения А. И. Герцена.

С другой стороны, «борьба с Западом» должна была проходить на некоторых *твердых основаниях*, т. е. на понимании самого Запада, на понимании его отношения к России. Но во всех литературных и публицистических статьях Страхова существует настоящая свобода и трезвость взгляда на Запад и его идеи, в том числе отчетливое понимание, что **Запад всегда будет готов поддержать обличение России, что Европа испытывает к России презрение**.

В автобиографических «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» Страхов говорит: «С детства я был воспитан в чувствах безграничного патриотизма; я рос вдали от столиц, и Россия всегда являлась мне страной, исполненной великих сил, окруженной несравненной славою, первую страну в мире, так что я в точном смысле слова благодарил Бога за то, что родился русским. Поэтому я долго потом не мог даже вполне понимать явлений

¹ Наиболее весомый и глубокий вклад в изучение наследия Н. Н. Страхова внес Н. П. Ильин. См. его книги: «Трагедия русской философии» (М., 2008) и его предисловие «Последняя тайна природы» к переизданию труда Н. Н. Страхова «Мир как целое» (М., 2007).

² См. *Страхов Н. Н. Последние произведения Тургенева (1871)*. В кн.: Критическія статьи. Томъ первый. Изданіе пятое. Объ И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстомъ (1882–1885).

и мыслей, противоречивших этим чувствам; когда же я, наконец, стал убеждаться в презрении к нам Европы, в том, что она видит в нас народ полуварварский и что нам не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытие было мне невыразимо больно, и боль эта отзывается и до сегодня. Но я никогда и не думал отказываться от своего патриотизма и предпочесть родной земле и ее духу дух какой бы то ни было страны. Если мне часто казалось, говоря словами Тютчева, что

Умом Россию не понять,

.....

В Россию можно только верить, —

то, с другой стороны, я, однако же, начинал все яснее уразумевать, как и почему

Не поймет и не заметит

Гордый взор иноплеменный,

Что сквозит и тайно светит

В нагоде ее смиренной.

Презрение европейцев было только постоянным жалом, сильнее возбуждавшим и преданность народному духу, и понимание этого духа» [15, с. 447–448]. Таким образом, «презрение европейцев» не вызывало в Страхове желания ответить тем же презрением, но, напротив, определило в нем еще более устойчивый интерес к пониманию своего — пониманию народного духа. Но понимание России (это впервые было замечено у Страхова Н. П. Ильиным) неотделимо для него от веры в Россию, от преданности русскому народному духу. Страхову был глубоко чужд внешний лоск (аристократизм) европейской образованности. Он видит, что зло может содержаться и в таком вроде бы благородном и очевидном деле, как просвещение, а потому критик делает очень русский вывод: «...иногда лучше отстать в культуре, но сохранить духовное здоровье и не попасть в тот безвыходный разлад стремлений и чувств...», в котором находятся европейцы [15, с. 448].

России не понять умом чужим — «иноплеменным». Но это еще не главное, не самое существенное. Опасность в том, что мы сами **«не умеем жить своим умом, что вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества: прямой связи с на-**

шей жизнью, с нашими собственными духовными инстинктами»³; «Мы избалованы обилием чужого ума», чужих учений, идей и проектов, не умея при этом отличить того, что имеет настоящую силу, от того, что только принимает вид силы»⁴. Не современно ли звучат эти слова — не теми ли болезнями мы по-прежнему больны? Задача же работы над своим умом, над восстановлением связи его с нашими «духовными инстинктами» невыполнима без веры в русского человека, русский народ, Россию. Всякое понимание для Страхова начинается как понимание необходимости веры: «Если мы не понимаем веры в Россию, то мы ровно ничего не поймем в русской литературе... не только все большие русские писатели, от Ломоносова до Льва Толстого, проникнуты верой в Россию, но эта вера была существенным, главным условием их деятельности»⁵.

Все тенденции духовного состояния Запада, проанализированные в книге Страхова, связаны с **положительной задачей**: понять их. Но и была задача **отрицательная** — понять, чтобы отвергнуть порочное; понять *их*, чтобы уяснить, отчетливо увидеть *нашу* реакцию, «которую история и дух Запада уже вызвали в нашей литературе» [32, VIII], например, в Карамзине, в славянофилах, в Герцене. С главы об А. И. Герцене, повторим, критик и начнет свою первую книгу «Борьбы с Западом», а сами названия глав указывают на последовательное развертывание главной мысли Страхова: «Литературные произведения Герцена», «Потеря веры в Запад», «Борьба с идеями Запада. Вера в Россию» и др.

Смерть Герцена в 1870 г. вновь подняла бурные споры в отечественных журналах и газетах: вновь разошлись оппоненты, направив друг в друга грозное оружие идей. Одни кричали о политической деятельности Герцена и в ней видели его главную роль (подчеркивали отрицательное воздействие на молодое поколение). Другие полагали, что Герцен совсем не пребывает в мире с русскими «заграничными красными», что в нашей публицистике нашлись люди, уже разрушившие политический авторитет Герцена (Кат-

³ В данном случае цитируется 2-е издание книги «Борьба с Западом в нашей литературе». Кн. 1. Изд. 2-е. СПб., 1887. С. 1.

⁴ Там же. Кн. 2. СПб., 1883. С. 15.

⁵ Там же. С. 31–32.

ков, Чичерин). Страхов ставит вопрос иначе и для времени выхода статьи достаточно самостоятельно и оригинально. Он исходит из того, что Герцен не был «простым агитатором», но прежде всего был литератором, следовательно, высказывал определенные мысли. Именно его литературная деятельность для Страхова является более прочной и живучей, нежели его публицистика (и Страхов оказался, как мы теперь понимаем, прав). Развертывая перед нами постепенную картину герценовских идей, мыслей и настроений, Страхов с присущей ему определенностью с первых же страниц говорит о том, что было «нечто», что налагало отпечаток на всю (от начала и до конца) деятельность Герцена. Это *нечто* критик называет **пессимизмом**. Это значит, что «темная сторона мира открывалась ему яснее, чем светлая; болезненные и печальные явления жизни он воспринимал с несравненно большей живостью и чуткостью, чем всякие другие» [32, с. 3]. Но при этом безотрадном и мрачном воззрении на мир Герцен для Страхова обладал и положительным качеством — «*мужеством* перед истиной».

Свой литературный анализ герценовских сочинений Страхов начинает с «Записок одного молодого человека» («Отечественные Записки», 1840, декабрь) и продолжения «Записок» (там же, 1841, август). Впрочем, не будем забывать, что Страхов своей критикой произведений и взглядов Герцена вступал в духовную борьбу с совершенно иной, глубоко враждебной и чуждой ему по духу прагматически-революционной критикой, которую мы уже называли выше. Уже существовала «традиция» таких людей, как Герцен и друг его Н. П. Огарев (1813–1877), называть «людьми будущего», перед которыми любое поколение «с изумлением преклонится», что и делал демократический критик Н. Добролюбов. «Эти люди, — утверждал Добролюбов, — почерпнули жизненный опыт в своей непрерывной борьбе и умели его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли в уровень с событиями».

Вообще это, конечно, удивительно, что атмосфера родного дома была тягостна и Герцену, и Огареву: «Дом мне был тюрьмой», — твердой рукой напишет позже Огарев («Вы выросли, любя отца и мать...»). Огарев начнет через гувернантку (Анну Егоровну Горсеттер и ее подругу Елизавету Евгеньевну Кашкину, а также своих учителей) получать «запрещенные стихи» и «передовые идеи» времени. Оба друга зафиксировали такой момент, что восстание декабристов 1825 г. стало переломным в их жизни:

«Да! — утверждал Огарев в своей исповеди, — 1825 год имел для России огромное значение. Для нас, мальчиков, это было нравственным переворотом и пробуждением. **Мы перестали молиться на образа и молились только на людей, которые были казнены или сосланы.** На этом чувстве мы и выросли» (Выделено мной. — К. К.). Летом 1826 г. «в виду всей Москвы», на Воробьевых горах, они дают друг другу клятву и принимают решение пожертвовать «жизнью на избранную <...> борьбу» — этот день стал для них «днем сознания своей дороги».

В эти сороковые годы господствовало увлечение (поклонение) Гёте, молодые умы питались его могучим, спокойно-величавым пантеизмом, его обожествлением земной человеческой жизни. «Передовые люди» того времени, как Станкевич и Белинский, были этой, *гётевской веры*. Герцен тоже принадлежал к этому же кругу мыслящих людей, следовательно, разделял их пристрастия, но (считает Страхов) уже имел, в отличие от других, «свои мысли» по поводу великих авторитетов Гёте и Гегеля. Он сделал это в образах своих героев, их устами. В «Записках» выведен некто Трензинский — познанский поляк. Но дело не в том, что он поляк, — Герцен подчеркивает его, так сказать, *международное* положение. Ему более пятидесяти лет, он выведен человеком «*несчастливым без всякой вины*» (Страхов полагал, что это вообще любимый герценовский тип). Дальше следует рассказ героя о днях юности, когда он в одном из салонов встретился с Гёте. И вся характеристика Гёте-поэта и философа совершенно критически дается Герценом через акцент, который делает герой в своем рассказе. Поэт примиряет с жизнью. Трензинский с жизнью ничем не может примириться. Трензинский упорно полагает, что человеку нигде и **незачем искать примирения, утешения, покоя, так как он страдает в жизни без вины, нелепо, без смысла.** «Идея такого страдания, — заключает Страхов, — есть главная идея Герцена» [32, с. 11]. А это значит, что в мире есть горе, которое не может быть исправлено и излечено никакой философией.

Тему «страданий без вины» продолжает роман Герцена «Кто виноват» (появился в «Отечественных Записках» в декабре 1845 г.). Конечно же, этот роман тоже связан с «трудными вопросами» современности — с так называемым «женским вопросом». Сюжет прост: счастливый брак Круциферских разрушен любовной страстью жены к Бельгову. Что же (с точки зрения Страхова),

собственно, изображает роман? Главное в нем — это убеждение писателя в чрезвычайной непрочности какого-либо счастья, совершенная невозможность отвращения бед, несчастий, которые не зависят от нашей воли. Герцен, говорит Страхов, в этой истории «юридически» никого не считает виноватым. Но все же он более всех, пожалуй, оправдывает человека (Бельгова), который и стал источником беды. Почему? Любовь Круциферского к своей жене Герцен описывает самым положительным образом, но и показывает, что вся жизнь, весь ее смысл, все корни бытия этого героя находились в жене, в ее сильной натуре (любовь Круциферского исключительна, но оттого и бесконечно эгоистична). Круциферский мучится ревностью, т. е. «эгоистическим требованием от любимой женщины такой же исключительной любви, какую сам к ней питает» [32, с. 19]. Но, естественно, мучается и Круциферская, и Бельгов. А на вопрос «Кто же все-таки виноват?» ответ в романе Герцена звучит вполне отчетливый: сама жизнь, сама человеческая натура, не умеющая, не желающая отказаться от счастья, а следовательно, всегда подверженная ударам, разрушениям.

Сравнивая роман со статьей Герцена «По поводу одной драмы» («Отечественные Записки» за 1843, июль), Страхов находит в них ряд суждений Герцена, важных для понимания его личности. Например, он дает следующую цитату: «Там, где жизнь подчинена чувствам, подчинена частному и личному, там ждите бурь и горестей...». Но если так велико значение случайностей в человеческой жизни, если так велика сила незаслуженных бед, то вполне естественно искать выход или, по крайней мере, как-то все объяснить. Герцен рассматривает три «выхода»: «стоический формализм, религия, общие интересы». Предпочтение Герцена вполне определено: человек должен иметь «положительную сферу во всеобщих интересах», тем самым теряется важность его личных страстей. Тем самым происходит *обуздание страстей* и жизнь становится достойной человека. Страхов же отмечает, что постановка вопроса в данном случае принадлежит Герцену, но вот решение его **заимствовано из немецкой философии**. Но, справедливо подмечает Страхов, разве не очевидно и другое: если к личным интересам в жизни человека добавляются еще и интересы общие, то трудности отнюдь не уменьшаются, но, совсем напротив, значительно увеличиваются. И дело даже не в этом замеченном Страховым «противоречии» — дело в том, что он видел самого Герцена нату-

рой довольно незаурядной: он не мог и не хотел довольствоваться ничтожными целями и мелкими благами. Его мало удовлетворяли и этот мир, и жизнь в мире. **У него в душе присутствовал идеал, но это не был идеал церковный.** Отсюда и особая восприимчивость к темным сторонам явлений. Естественно, судить об этом герценовском идеале можно, обращаясь к его философским и историческим статьям, что Страхов и сделал.

«Легко понять, — пишет Страхов, — что со своим глубоким пессимизмом он сразу схватил то, что было всего безотраднее, всего болезненнее в современном ему строе европейской мысли и европейской истории. Фейербахизм, философское воззрение, с которым так благодушно и спокойно уживаются немцы, был понят Герценом в смысле самом суровом и безнадежном. Скажем заранее — это понимание мы считаем вполне правильным, вполне соответствующим делу» [32, с. 43]. Известно, что Герцен еще в России был западником. Уехав из России, он стал всматриваться в Запад пристально, пытаясь как-то вмешиваться в жизнь западную. К какому же результату пришел он? Он увидел, что Запад и сам «страдает смертельными болезнями», что в нем больше нет тех живительных сил и начал, что могли бы спасти его от гибели. Страхов говорит, что это было главное открытие Герцена: **«России он не понимал; как Чаадаев, он ничего не умел видеть ни в ее настоящем, ни в ее прошедшем.** Но Запад он знал хорошо; он был воспитан на всех ухищрениях его мудрости, он умел сочувствовать всем движениям тамошней общественной жизни, был зорким и чутким зрителем нескольких революций. Он пришел к тому убеждению, что нет живого духа на Западе, что все его мечты обновления не имеют внутренней силы, что одно верно и несомненно — смерть, духовное вымирание, гибель всех форм тамошней жизни, всей западной цивилизации» (выделено мной. — К. К.) [32, с. 44]. Именно такой опыт Страхов полагал очень важным для России — опыт понимания Запада русским западником, и в этом плане Страхов ценил литературную деятельность Герцена.

Страхов подчеркивает, что Герцена читали и знали, когда он писал статьи, приправленные «революционным перцем», но читали поверхностно, не обдумывая его мнений и взглядов. Но лучшая его книга «С того берега» прошла совершенно «бесследно для умов». Герцен дважды из писателя, литератора превращался в действителя — во время французской революции 1848 г. и во

времена отечественной «воздушной» (как называл ее Страхов) революции 1857–1863 гг. В этом самонадеянном увлечении деятельностью, по мнению Страхова, Герцен «дважды изменял самому себе» [32, с. 48]. В чем состояла эта измена?

Эпоха, когда складывались взгляды Герцена, называется Страховым «самой цветущей эпохой *западничества* в русской литературе» [32, с. 48]. Конец 30-х — начало 40-х гг. были временем Грановского, Белинского, Станкевича. Герцен был среди них, пожалуй, самым заметным. Он, по мысли Страхова, был не просто поклонником Запада, подражателем, но именно *западным человеком*, «который слился всею душою с западной жизнью, вполне и до конца жил идеями этой жизни» [32, с. 48]. Но, собственно, и Запад в ту пору переживал свою блестящую эпоху, мыслил и действовал сильно, так что Герцен «примкнул» к живым струям мысли и жизни вполне закономерно. Он знал *лучшие* времена Запада. Сам Герцен, в силу последовательности своей натуры, отнюдь не оказался на Западе в роли пустого поклонника и подражателя. Нет, он «возвысился до самостоятельности, стал наравне со своими учителями» [32, с. 51]. Именно поэтому в силу его личной зрелости он оказался способным выразить свои независимые о Западе мнения.

Европа тех лет действительно обладала мощной философией (наукой наук). Гегелевская философия влияла на все умы. (У нас, по мысли Страхова, *и западники, и славянофилы тоже были рождены гегельянством*). Будучи последовательным, Герцен примкнул к той ветви левой гегелевской школы, что нашла свое продолжение в Фейербахе, а потому для Страхова «заблуждения Герцена суть заблуждения тогдашнего Запада» [32, с. 61]. Для этого течения мысли было характерно пантеистическое понимание человека и мира, обожение жизни и истории, а в самой немецкой мысли (словами Гейне) было нечто прямо противостоящее *идее христианства*. Самое уязвимое место в немецкой философии Страховым было обозначено как отождествление Бога и мира, отождествление человеческих понятий и понятий божественных, что сугубо извращало истину. Последователь Фейербаха естественно приходил к мысли, что «в человеке природа сознает сама себя, что вся цель, весь смысл природы заключается в человеческой деятельности» [32, с. 66]. Именно эти мысли глубоко поселились в Герцене, он питался *горечью* этих мыслей. Герцен очень честно, до конца, глубоко воспринял все «новые мысли» Европы: «Учение об имма-

нентности, о полной независимости человека от всяких внешних для него авторитетов, и учение о непрерывном обновлении человечества, о глубоком прогрессе, который в нем совершается, были, по-видимому, радостными учениями, располагавшими людей к надежде и бодрости» [32, с. 77].

Перед революцией 1848 г. в Европе царило радостное умственное возбуждение. Но, увы, в Герцене оно отразилось несколько иначе, он довел **все эти постулаты учений до конца**, в результате чего плюс сменился на минус — веру, оживленную радость сменили весьма мрачные взгляды. Герцен смотрел «на печальную сторону этих учений», на нее бросил все свои умственные силы. В результате, говорит Страхов, «он дошел до полной безнадежности еще раньше, чем совершилась революция 1848 года» (32, с. 77). Сам Герцен не мог быть **деятелем** революций, так как именно никакой **программы действий у него не было** — в книге «С того берега» он и сам признал себя **зрителем**. Он хотел исследовать и познавать, он искал истины и отрекался от действий. Но он вступал в крайние противоречия со всем окружающим его миром. Все ему виделось совершенно неправильным, неразумным, почти варварским, он больше не мог ни во что верить, он не имел и надежды на будущую «лучшую жизнь». И если это так, то каким мог быть его личный выход? — Сочувствие и соучастие всему тому, что носило характер **разрушительный** по отношению к непринимаемому им миру.

Еще раз подчеркнем, что Герцен, его мысли, его сочинения интересовали Страхова как имеющие чрезвычайную важность для «вопроса, который нужно считать самым главным, самым существенным из наших вопросов: для вопроса о нашей духовной самобытности» [32, с. 87]. Снова задает Страхов главный вопрос: «Что такое мы, русские?». «Составляем ли мы племя самостоятельное в умственном и нравственном отношении, обнаружившее в своей истории особые начала и предназначенное произвести особую культуру, — или же мы должны оставить подобные притязания, во всем подчиниться Европе и стать в отношении к ней, как, например, Бельгия к Франции?» [32, с. 87]. Именно с этих вопросов и стоит начинать наше понимание истории нашей литературы. 25 лет идет борьба западников и славянофилов. Страхов предвидел не утихание ее в грядущем, а напротив, «широкую будущность». Это упорство борьбы есть свидетельство того, что она является **органически развившимся** явлением нашей литературы,

причем появилась она (о чем писал еще и А. Григорьев) с самого начала новой литературы, с Петровской эпохи. «Славянофилы только сознательно выразили внутренний процесс, бессознательно совершавшийся и созревавший в русских душах» [32, с. 89]. Вопрос о самобытности абсолютно законен. Страхов со всей прямоотой говорит, что каждому мыслящему и пишущему человеку не избежать этого вопроса — он *обязан* объявить себя или западником, или славянофилом. Между тем со времен Карамзина талантливый русский писатель, как замечает Страхов, проходит достаточно повторяемые в общих чертах *этапы умственной перемены*. Начинают, как правило, с увлечения европейскими идеями, затем испытывают разочарование и часто занимают враждебную позицию по отношению к западным началам. Происходит «возвращение к своему, более или менее просветленная любовь к России и искание в ней якоря спасения, твердых опор для мысли и жизни» [32, с. 90]. Этот процесс, полагает Страхов, тоже составляет характерное явление для русской жизни, т. е. входит в ее самобытный культурный тип.

Герцена Страхов назовет *«отчаявшимся западником»* («Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели», «За эту веру в нее, за это исцеление ею — благодарю я мою родину. Увидимся ли, нет ли, — но чувство любви к ней проводит меня до могилы», — писал Герцен). Никто из русских до Герцена столь сильно не любил Европы, но и никто из них не разочаровывался в ней с герценовской силой: «Было время, когда в ссылке, вблизи Уральского хребта, я облакал Европу фантастическими красками; я тогда верил в Европу и особенно во Францию. Я воспользовался первой минутой свободы, чтобы лететь в Париж. Это было до февральской революции. Я ближе познакомился с положением дел и покраснел за свой предрассудок» [Vom anderen Ufer, 1850, s. 179]. Кончилось все, как известно, «актом возмущения» против Европы и «лучшим деянием» — разрывом.

Таким образом, самым существенно значимым в литературной деятельности Герцена будет для русской литературы и ее читателей разочарование в Европе. Этот глубокий разрыв с Европой (переход от пламенной веры в глубокое неверие), картинки разочарования, оставленные Герценом, его главный принцип («истина для истины») вызывали в Страхове глубочайшее уважение. Но Герцен оставался нигилистом, причем, как видно из предшествующих размышлений критика, этот нигилизм в нем жил в «наилучшей и наи-

благороднейшей своей форме» [32, с. 108]. **Он отрекся от своего, потом столь же последовательно отрекся от чужого.** Именно там, на «другом берегу», он понял всю степень строгости своей в отношении к России и стал столь же честно и последовательно, столь же строго судить Францию. Той же мерой. Но при всей мыслительной чистоте, при всем искреннем усилии мысли Герцен не мог вырваться из «мудрости настоящего нигилизма», которая есть сомнение и безысходность мрака, при всем том, что «нигилизм Герцена есть одно из проявлений напряженной идеальности русского ума и сердца» [32, с. 116]. Он действительно был человеком свободомыслящим, вольнодумным и очень последовательным. В результате вольнодумия, например, Герцен потерял религию, «очистил ум» от религиозных «предубеждений». Он добился от себя такого умственного состояния, что все религии стали для него равны, но... **объективно он отдавал «предпочтение православию»:** «Я считаю за великое счастье для русского народа, столь впечатлительного и кроткого по характеру, что он не был испорчен католицизмом. Вместе с католицизмом его миновало и другое зло. Католицизм, подобно некоторым злокачественным болезням, может быть излечен лишь ядами; он ведет за собою протестантизм, который освобождает умы, с одной стороны, с тем, чтобы, с другой, снова их поработить» [32, с. 117]. И если отрицание русских самобытных начал было всем современникам Страхова хорошо известно в «домашних условиях», то герценовское отрицание европейских начал было чрезвычайно значимо и лично ему стоило многими страданиями. Он боролся с европейскими понятиями со всей строгостью своего чистого нигилизма. Он «сверг иго» мысли о необычайном величии Европы и особенном безобразии нашей русской жизни. Страхов первым смог посмотреть на Герцена в «истинном свете». Он увидел в нем первого глубоко разочарованного в Западе западника. Совершенно ясно, что сами по себе эти две фигуры в русской литературе XIX в. — Герцен и Страхов — представляли собой совершенно противоположные типы: Герцена Запад разочаровал, Страхова он никогда не мог очаровать. Герцен изначально воспринимал западную жизнь «гиперболически» — мечтательно и вдохновенно, преувеличенно и фантастически.

Страхов всегда мог критически, а значит и реалистически относиться к западным идеям и жизни. Герцен слишком долго был идеалистом. Страхов предпочитал всегда быть трезвомыслящим.

«Отчаявшийся западник превратился в нигилистического славянофила, а во многих отношениях оказался истинно *русским человеком*» [32, с. 131], — таков итог статьи Страхова о Герцене, цель которой, конечно же, была и в правильном понимании роли Герцена в нашей литературе, — «примера и поучения для всех наших литературных партий» [32, с. 131].

Литература

1. *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители: Ап. Г. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. (Философская культурология второй половины XIX века). М.: МГУ, 1992.
2. *Авсеев В. Г.* О журнале «Заря» // Исторический вестник. 1909. Май.
3. *Антонович М. А.* Воспоминания // Шестидесятые годы. М.: Academia, 1933.
4. *Антонович М. А.* Асмодей нашего времени // Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
5. *Астафьев П. Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения // *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000.
6. *Бакунин П. А.* Основы веры и знания. СПб., 1886.
7. *Балуев Б. П.* Несостоятельность обвинений Вл. Соловьевым Н. Я. Данилевского в заимствовании идей теории культурно-исторических типов у г. Рюккерта // Очистительный гений славянства: сб. ст. Ростов н/Д., 2002.
8. *Белов А. В.* Культура глазами философов-органицистов. Ростов н/Д., 2002.
9. *Белов А. В.* Спор Вл. Соловьева и Н. Н. Страхова о теории культурно-исторических типов // Очистительный гений славянства: сб. ст. Ростов н/Д., 2002.
10. *Время.* СПб., 1861. № 6.
11. *Гулин А. В.* Война и мир Льва Толстого. Вступит. статья к кн.: Л. Н. Толстой «Война и мир». М., 2003.
12. *Грот Н. Я.* Памяти Н. Н. Страхова. Вопросы философии и психологии. Кн. 32. 1896.
13. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Изд. 5-е. СПб., 1895.
14. *Дебольский Н. Г.* О начале народности // В кн.: Русское самосознание. СПб., 1995. № 2.
15. *Достоевский Ф. М.* в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1990. (Ссылки даются на статью Н. Н. Страхова «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском», написанные в 1883 г.).

16. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнения. Православие и русская литература XVII–XIX вв. М., 2003.
17. Елисеев Г. З. О романе «Преступление и наказание» // Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
18. Елисеев Г. З. Воспоминания // Шестидесятые годы. М.: Academia, 1933.
19. Ильин Н. Этика и метафизика национализма в трудах Н. Г. Дебольского (1842–1918) // Русское самосознание. СПб., 1995. № 2.
20. Ильин Н. П. Два этюда о Н. Н. Страхове (1828–1896) // Русское самосознание (философско-исторический журнал). СПб., 1996. № 3.
21. Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Часть I. От личины к лицу. СПб., 2003.
22. Катков М. Н. Роман Тургенева и его критики. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
23. Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002.
24. Критика 60-х годов XIX века. М.: АСТ, 2003.
25. Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
26. Никольский Б. В. Н. Н. Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. 1896. Т. 64.
27. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914.
28. Писарев Д. И. Базаров // Критика 60-х годов XIX века. М., 2003.
29. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. М., 2000. (По данному изданию цитируется статья В. В. Розанова. «Н. Н. Страхов, его личность и деятельность».)
30. Скатов Н. Н. Н. Н. Страхов (1828–1896) // Н. Н. Страхов. Литературная критика. М., 1984.
31. Страхов Н. Н. Толки об Л. Н. Толстом // Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892.
32. Страхов Н. Н. Герцен. Милль. Парижская коммуна. Ренан. Историки без принципов // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. I. Изд. 3-е. Киев, 1897.
33. Страхов Н. Н. Письма о нигилизме // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. Изд. 3-е. Киев, 1897.
34. Страхов Н. Н. Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского (1890). Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского (1894). Заметки о Белинском. (1869) // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. Изд. 2-е. Киев, 1898.

35. *Страхов Н. Н.* *Ход нашей литературы, начиная от Ломоносова (1873). Ряд статей о русской литературе (1864) // Борьба с Западом в нашей литературе.* Кн. 2. Изд. 3-е. Киев, 1897.
36. *Страхов Н. Н.* *Литературная критика.* М., 1984.
37. *Страхов Н. Н.* *Мир как целое.* Изд. 2-е. СПб., 1892.
38. *Страхов Н. Н.* *Из истории литературного нигилизма. 1861–1865.* СПб., 1890.
39. *Страхов Н. Н.* *Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом: 1862–1885.* Изд. 3-е. СПб., 1895.
40. *Страхов Н. Н.* *О методе естественных наук.* СПб., 1865.
41. *Страхов Н. Н.* *Воспоминания и отрывки.* СПб., 1892.
42. *Толстой Л. Н., Толстая С. А.* *Переписка с Н. Н. Страховым / сост. Л. Д. Громовой и Т. Г. Никифоровой.* М., 2000.
43. *Толстой Л. Н.* *Исповедь // Не могу молчать.* М., 1985.
44. *Толстой Л. Н., Страхов Н. Н.* *Полное собрание переписки: в 2 т. Москва–Оттава, 2003. Т. 2. С. 606.*